

Российская академия наук
Институт экономики

Ю.К. Князев

Индивидуализм и коллективизм
в современной экономике

Москва – 2019

УДК 334.012.5
ББК 65.011

Князев Ю.К. Индивидуализм и коллективизм в современной экономике: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – 45 с.

В докладе излагаются взгляды автора на соотношение между индивидуализмом и коллективизмом в современной экономике. Исходным пунктом служит признание двойственной природы человеческой личности, в которой сочетаются два начала — индивидуализм и коллективизм. После краткого обзора взглядов некоторых экономистов, говорящих об эволюции в понимании методологического индивидуализма и об уязвимости этого основополагающего принципа, в последующих главах дается характеристика индивидуальных и общественных интересов, а также частных и публичных благ. Особое внимание уделено роли государства как важнейшей общественной институции, функционирование которой существенно влияет на работу рынка и ведет к формированию социально-регулируемой рыночной экономики в наиболее развитых и цивилизованных странах. Заключительная глава посвящена доказательству необходимости и возможности народно-хозяйственного планирования в российской рыночной экономике. Приводятся также некоторые соображения о возможных путях обновления экономической теории, руководствуясь предложенным автором принципом методологического дуализма.

Ключевые слова: индивидуализм и коллективизм, двойственная природа человека, индивидуальные и общественные интересы, частные и публичные блага, роль государства, социально-регулируемая рыночная экономика, методологический дуализм индивидуализма и коллективизма.

Классификация JEL: A10, A13, B40, B41, B49, Z18.

Yury Knyazev. Individualism and collectivism in contemporary economy. Moscow: IE RAS. 2019. 45 p.

The report exposes the author's views upon correlation between individualism and collectivism in contemporary economy. The point of departure is recognition of human person dual nature which combines two sources – individualism and collectivism. After a short survey of some economists' views showing evolution in comprehension of methodological individualism and this fundamental principle vulnerability, next parts characterize individual and social interests as well as private and public goods. Special attention is paid to the role of State as the most important institution which greatly influences on market and leads to appearance of social regulated market economy existing in most developed and civilized countries. The report's final part lights the way for proving of necessity and possibility of complex planning in Russian market economy. There are some conclusions related to possible ways of renewal of economics due to the author's understanding of methodological dualism.

Keywords: individualism and collectivism, dual nature of human person, individual and social interests, private and public goods, the role of State, social-regulated market economy, methodological dualism of individualism and collectivism.

JEL Classification: A10, A13, B40, B41, B49, Z18.

© Князев Ю.К., 2019

© Институт экономики РАН, 2019

© Валерий В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Уязвимость методологического индивидуализма	9
Глава II. Истоки и утверждение коллективизма в человеческой личности	16
Глава III. Общественные интересы и публичные блага	23
Глава IV. Государство как основной защитник общественных интересов	29
Глава V. Народнохозяйственное планирование как императив для России	34
Заключение	40
Литература	44

Введение

Классическая и неоклассическая экономические теории основаны на исходном методологическом принципе индивидуализма человеческой личности. Его антиподом служит методологический коллективизм. По словам Дж. Коммонса, «наука политическая экономия колеблется между экстремальным индивидуализмом и экстремальным коллективизмом... Школа индивидуализма мечтает о будущей гармонии интересов на основе частной собственности; коллективизма — о будущей гармонии на основе общественной собственности» [Commons — 1961: 108]. У. Сэмюелс уточняет: «Методологический индивидуализм» подразумевает такую точку зрения, что наиболее адекватные и эффективные знания в области общественных наук могут быть получены путем изучения отдельно взятых индивидов; под «методологическим коллективизмом» — такая точка зрения, согласно которой такие знания являются результатом изучения групповых процессов или явлений» [Современная... - 1981: 681].

В обеих цитатах речь идет о двух противоположных подходах к методологии познания экономики. Б. Уорд считает их «разными типами мышления» [The Conservative... — 1979: 4]. Как можно понять, разницу между этими двумя методологиями авторы видят исключительно в субъективных подходах ученых, применяемых независимо от реального состояния изучаемой ими экономики.

Точка зрения автора настоящего доклада состоит в том, что методология познания должна строиться с учетом объективных оснований, содержащихся в изучаемом объекте. Это значит, что она должна вытекать из онтологических основ самой экономики и корреспондировать с ней, несмотря на неизбежные личные пристрастия исследователей.

Следует солидаризироваться с О.И. Ананьиним, различающим онтологию от собственно теории: «Теоретическое исследование призвано открывать новые факты и закономерности, онтологический анализ — выявлять скрытые предпосылки, лежащие в

основании соответствующих теорий... Онтология фиксирует типы элементов в экономической реальности, которыми оперируют соответствующие теоретические структуры (будь они событиями или структурами, наблюдаемыми объектами или ненаблюдаемыми сущностями), а также типы свойств этих элементов, связей и отношений между ними» [Ананьин – 2013: 6–7].

Теоретическую и объективную реальности предлагает различать и И.А. Болдырев: «Теоретическая реальность, структура которой изучается в ЭО (экономической онтологии. – Ю.К.), не тождественна теории, а представляет собой ту реальность, на фоне которой и исходя из которой разворачивается теоретическая аргументация (то есть само содержание теории). Точно так же теоретическая реальность не тождественна эмпирической экономической реальности, поскольку основной предметной данностью, которой обладают ученые-теоретики и над которой они работают, является уже не сама действительность, а некая особая теоретическая форма» [Болдырев – 2009: 48].

Теория, следовательно, является не точным слепком с объективной реальности, а всего лишь представлением о ней данного автора, т.е. субъективным знанием о реальных объектах и процессах. Субъективность теории выражается, во-первых, в том, что она несет на себе печать индивидуального подхода автора, а во-вторых, в том, что она отражает объективную реальность не в полном объеме. Во всяком случае, любое теоретическое видение может быть либо достаточным для адекватного понимания и практического применения изучаемого предмета, либо далеким от этого, т.е. ошибочным или ущербным. С учетом этого любую теорию можно рассматривать только как приближение к некой абсолютной истине.

Онтологическими предпосылками экономической теории служат, на наш взгляд, изначальные представления исследователя о субъектах и объектах экономической деятельности, исходных взаимоотношениях субъектов и условиях их хозяйствования. Эти представления могут быть разными у отдельных авторов теорий, но сами теории имеют тем большую научную ценность, чем полнее и точнее они отражают реальную действительность. Объективная реальность существует сама по себе, и ее познание, как свидетельствует исторический опыт, не может быть исчерпывающим, а является лишь

постоянным процессом приближения к истине, которая может открыться исследователю или ускользнуть от него, но чаще всего она приоткрывается лишь частично.

Отношение автора данного доклада к собственным теоретическим изысканиям исходит из вышесказанного. Они, следовательно, не претендуют на раскрытие абсолютной истины, а лишь стремятся точнее отражать нынешнюю экономическую реальность.

Истинность или ошибочность экономической теории задается в первую очередь ее онтологическими (исходными, фундаментальными) основами, на которых строится ее научная парадигма. Можно выделить следующие четыре группы онтологических понятий в экономике, представление о которых важны для любой теории. Во-первых, это экономические субъекты (агенты, акторы), осуществляющие хозяйственную деятельность или в ней участвующие в разных ипостасях (предприниматели и наемные работники, коммерсанты и покупатели-потребители, инвесторы и реципиенты социальной помощи). Во-вторых, объекты, с которыми имеют дело субъекты (продукты и прочие потребительские блага, земля и недвижимость, накопления и инвестиции, банковские и страховые продукты и услуги). В-третьих, система взаимоотношений между субъектами (производственные и рыночные связи, отношения собственности, финансовые трансакции). В-четвертых, институциональные и иные условия, в которых субъекты осуществляют свою деятельность.

Методологический индивидуализм и методологический коллективизм применяются ко всем четырем онтологическим составляющим, но в первую очередь к экономическим субъектам, в особенности к первичным действующим лицам, каковыми являются люди по отдельности и все вместе. Методология любого исследователя должна исходить, на наш взгляд, прежде всего из понимания человека как экономического субъекта.

Разработка темы данного доклада о соотношении индивидуализма и коллективизма в экономике предполагает доказательство следующей главной гипотезы: индивидуализм и коллективизм одновременно присущи человеческой личности как общественному животному и неизбежно проявляются в его жизненных интересах, в том числе и экономических.

Если удастся доказать правильность этой гипотезы, то она поставит под сомнение сам принцип всеобъемлющего и безраздельного индивидуализма, который с этих позиций представляется методологически ошибочным. Порочность методологического индивидуализма состоит в том, что во внимание принимается и абсолютизируется лишь одна, эгоистическая, сторона человеческой сущности, но совсем не учитывается ее вторая сторона — присущий человеку коллективизм, т.е. *желание и умение жить в социуме* [Князев — 2011].

Данное нами определение коллективизма существенно отличается от других его определений, широко известных в социальных науках. Одни авторы (М. Вебер, Г. Зиммель) понимают коллективизм как зависимость поведения индивидов от любой социальной системы, другие усматривают эту зависимость исключительно от социалистической или коммунистической системы, третьи увязывают коллективизм с классовыми интересами, четвертые (А. Смит, Д. Риккардо) идентифицируют его с философской категорией «хололизм», означающим зависимость единичного и частичного от целого, составных частей — от единой системы. В нашем же понимании коллективизм — это неотъемлемое составляющее человеческой природы, одно из двух его начал наряду с индивидуализмом. Поэтому доклад не столько апеллирует к взглядам других ученых, сколько сосредоточен на изложении позиции автора.

Цель настоящего доклада состоит в выявлении подлинной природы общественных интересов исходя из признания того, что человеческая личность не представляет собой одномерного индивидуалиста, а в ней сосуществуют и борются два начала — индивидуализм и коллективизм.

Для достижения этой цели необходимо осветить ряд проблем, содержание которых соответствует названиям глав доклада. В первой главе показана уязвимость методологического индивидуализма. Происхождению и утверждению коллективизма в человеческой личности посвящена вторая глава. В третьей главе анализируются вытекающие из двойственной природы человека, точнее из его коллективистского начала, общественные интересы и характеризуются публичные блага как выражение этих интересов. Четвертая глава посвящается роли государства — главного носителя и защит-

ника общественных интересов. В пятой главе излагаются некоторые практические аспекты авторской концепции, касающиеся развития российской рыночной экономики.

Уязвимость методологического индивидуализма

В основе классической и современной экономической мысли неизменно господствует принцип методологического индивидуализма. Хотя экономика претерпела очевидную трансформацию в процессе исторического развития в направлении усиления регулирующей роли государства, в теории остаются незыблемыми прежние постулаты о рациональном индивидууме как экономическом субъекте, действующем на свободном рынке и испытывающем на себе определяющее воздействие рыночных отношений.

Понятно, почему экономическая теория с самого своего возникновения исходила из методологического постулирования индивидуализма как сущностной характеристики человеческой личности, определяющей ее поведение прежде всего в сфере хозяйственной деятельности. Это соответствовало эпохе становления и утверждения рынка свободной конкуренции, когда торжествовал рациональный эгоизм товаропроизводителей и потребителей, не приводивший к серьезным сбоям в общем экономическом развитии. Однако по мере выявления и усиления недостатков свободного рынка, для устранения и предупреждения которых потребовалось вмешательство государства, принцип эгоистического индивидуализма начал терять свою первоначальную универсальность. Наряду с индивидуальными интересами все большее значение стали приобретать интересы всего общества, существование которых экономическая наука была уже не в состоянии игнорировать. Спор шел лишь о том, что собой представляют эти общественные интересы, откуда они возникают и как соотносятся с исходными индивидуальными устремлениями и предпочтениями.

В самом деле, если продолжать исходить из понимания экономического человека (*homo oeconomicus*) как эгоистического индивидуалиста, то нельзя объяснить, откуда берутся общественные интересы и общественные блага и вся защищающая их громадная государственная надстройка. Поскольку вся эта реальность явно

противоречит сущности исключительно индивидуалистического человека, то остается считать ее продуктом божьего промысла или порождением космических сил [Князев – 2008].

Очевидно, что абсолютизация методологического индивидуализма, сыгравшая свою позитивную роль в период становления экономической науки, в настоящее время стала тормозом ее дальнейшего развития, так как не позволяет отобразить всю сложность и противоречивость современной экономики. С учетом этого все чаще стали высказываться сомнения относительно правильности указанного выше методологического принципа и предлагаться более реалистичные подходы на основе признания иных человеческих побуждений и соответствующих им общественных институтов, включая наиболее действенный из них – государство.

Следует указать на то, что уже в работах классика политэкономии Адама Смита рынок исследуется не только с точки зрения поведения эгоистически настроенных индивидов, но и подчеркивается важность моральных факторов, которыми они руководствуются при определении своих предпочтений.

В его главном труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» обоснован либерально-капиталистический постулат о том, что богатство страны проистекает из стремления каждого ее жителя к получению собственного дохода, т.е. к личному обогащению. Составной частью такого подхода стало также положение о неограниченной свободе действий индивида. Его деятельность, как утверждал А. Смит, гораздо более успешна, когда ею управляет не «неспособная и алчная рука государства», а «невидимая рука» («провидения», по мнению одних, или «рынка», по убеждению других авторов).

Смитовская концепция чаще всего воспринимается как однозначное противопоставление свободного рынка государству, для которого, якобы, не должно быть места в экономике. На самом же деле она лишь постулирует первичность рынка как объективной среды хозяйствования и вторичность любых субъективных сил, включая государство. Ценность такого подхода состоит в отказе от прежних представлений о всевластии и незаменимой роли в экономической жизни королей, других суверенов и возглавляемой ими государственной власти и в утверждении первостепенного зна-

чения независимых от них факторов, каковыми являются рынок и действующие на нем объективные экономические закономерности, представляющие собой ту самую «невидимую руку». Сам Смит не отрицал незаменимую уже в его время роль государства не только в защите страны от внешних врагов, но и в ее внутреннем развитии, в том числе в денежно-фискальной сфере, хотя и критиковал неумеренные налоговые аппетиты властей.

Рыночный реализм А. Смита сочетался с моральным романтизмом, требующим справедливости в распределении богатства: «Щедрая оплата труда является... как неизбежным следствием, так и естественным симптомом роста национального богатства. Скучное существование трудящихся бедняков, с другой стороны, служит естественным симптомом того, что страна переживает застой, а их голодание – что она быстро идет к упадку» [Смит – 2011: 26].

В работе «Теория нравственных чувств» [Смит – 1957] Смит подробно изложил свой взгляд на моральные стороны жизнедеятельности человека и общества, без использования которых по сути дела невозможно нормальное функционирование рынка. Лауреат Нобелевской премии по экономике А. Сен обращает внимание на то, что А. Смит, говоривший о совершенстве и самодостаточности рынка, «также выявил необходимость поддерживать рынок с помощью других институтов, чтобы обеспечить его жизнеспособность. Смит показал условия, при которых рынкам могут потребоваться ограничение, корректировка и дополнение со стороны других социальных институтов, чтобы предотвратить неустойчивость, неравноправие и устранить бедность» [Сен – 2011: 26].

Необходимость радикальных перемен в капиталистической экономике как в практическом, так и теоретическом плане была осознана в период Великой депрессии – общемирового кризиса, разразившегося на рубеже 20-х и 30-х годов XX века. «Новый курс» американского президента Франклина Д. Рузвельта, проводившийся ради вывода страны из этого кризиса, означал резкий отход от прежней сугубо либеральной практики хозяйствования и начало активного использования государством разных рычагов макроэкономического регулирования. Теоретическое обоснование глубокого реформирования капиталистической системы в указанном направлении было дано английским экономистом Джоном Мейнардом

Кейнсом в его книге «Общая теория занятости, процента и денег» [Keynes —1936]. Главная его мысль состояла в том, что государство с помощью бюджетных средств и других доступных ему рычагов, стимулирующих спрос и занятость, способно вывести экономику из глубокого кризиса.

Дж. Кейнс утверждал, что высокий уровень безработицы не может снизиться одним только саморегулированием рынка. Единственное решение этой проблемы он видел в бюджетном финансировании общественных проектов, повышающих спрос и способствующих оздоровлению экономики. В своей статье «Конец *laissez-faire*», напечатанной в 1926 г., т.е. за три года до начала Великой депрессии, Кейнс опроверг общепризнанный постулат экономической теории о том, что свободный рынок и частное предпринимательство автоматически и во всех случаях создают условия для полной занятости и макроэкономического равновесия. В противовес этому он утверждал, что в нисходящей фазе экономического цикла происходит сокращение частных инвестиций из-за снижения нормы прибыли и растущих процентных ставок. Поэтому только общественные вложения, запускающие инвестиционный мультипликатор, способны привести к оживлению деловой активности. Если в микроэкономике и в этом случае сохраняется свободный рынок, то в макроэкономике большую роль играет государство, влияющее на распределение национального дохода и на важнейшие агрегаты спроса и занятости.

Кейнсианство стало доминирующим течением экономической теории вплоть до 80-х годов прошлого столетия. Многие известные западные теоретики выступали в этот период за усиление государственного регулирования экономики, указывая на очевидные недостатки свободного рынка. Шведский экономист Гуннар Мирдал отмечал возросшую роль монополий и их реальные возможности манипулировать рыночными ценами, что вело к уничтожению конкурентного рынка. Он считал необходимым государственное регулирование главных макроэкономических процессов, которое нейтрализует вредные последствия деформированного рынка.

О том, что деятельность государства способна придавать экономике социальный характер, начали активно говорить после Второй мировой войны. В наиболее концентрированном виде идея

сочетания рыночных и социальных начал в современной экономике нашла свое воплощение в теории социального рыночного хозяйства (*soziale Marktwirtschaft*), основы которой были сформулированы германскими экономистами-ордолибералами, среди которых выделяется А. Мюллер-Армак, которому эта теория обязана своим названием. Новая теория затем получила признание в других развитых европейских странах и заняла свою достойную нишу в мировой экономической науке.

Тем не менее два последних десятилетия XX века стали периодом возрождения экономического либерализма, возврата к теориям свободного рынка, жестко противопоставившим себя кейнсианству и другим сторонникам государственного дирижизма. Объективно это было связано с тем, что многие страны мира забежали слишком вперед в своем движении к «обществу благосостояния», часто принося назревшую необходимость повышения экономической эффективности в жертву стремлению к социальной справедливости. Чрезмерное ограничение рыночной стихии мерами государственного регулирования приводило во многих странах к снижению деловой активности и замедлению темпов экономического роста. Хотя неолиберальная теория и практика ознаменовались очевидными успехами, ускорив экономический рост, многие экономисты продолжали придерживаться противоположных позиций.

Горячим сторонником общества благосостояния и государственного интервенционизма является американский экономист Джон Кеннет Гелбрейт, утверждающий, что либеральная экономическая теория больше не соответствует новой капиталистической реальности, где доминируют крупные корпорации, развеивающие иллюзии о конкурентном рынке. Неограниченное действие рынка, считает он, неизбежно ведет к нетерпимому неравенству в распределении доходов, к перетеканию производственных ресурсов от удовлетворения жизненных потребностей большинства к потаканию экзотическим желаниям богатого меньшинства. Обычным мифом считает он и «суверенность потребителя», якобы определяющего своими желаниями и потребностями структуру производства, так как крупные корпорации манипулируют потребителями с помощью агрессивной рекламы [Gelbraith – 1967].

Критики неолиберализма и корпоративного капитализма ссылаются не только на неприемлемые последствия реализации этих идей на практике, но и на их теоретическую несостоятельность. Джоэл Бейкан в своей книге «Корпорация, патологическое стремление к прибыли и мощи» отмечает, что эгоизм и корыстолюбие – не единственные мотивы деятельности человека и ими не исчерпывается смысл его жизни, как это ошибочно полагают теоретики рационального индивидуализма. Он считает, что большинство людей ощущает потребность не только в материальных благах, но и в любви, внимании, сочувствии, спокойствии, безопасности, справедливости и других духовных ценностях. Распространение целей, мотивов и способов действия корпораций, руководствующихся исключительно эгоистическими интересами, на все сферы индивидуальной и общественной жизни ведет к вульгаризации жизненных интересов, принижению культурных, моральных и духовных ценностей и общей деградации человеческой цивилизации. Чрезмерная коммерциализация частной и общественной жизни, пропаганда эгоизма и материального потребительства означают сведение многомерного человеческого существа к его биологическо-животной составляющей [Ваган – 2005: 172–173].

Несогласие в практическом плане с постулатом эгоистического индивидуализма ведет к иному теоретическому пониманию этой проблемы, к которому постепенно приближаются отдельные авторы. Теоретик общественного выбора Кеннет Эрроу, исследующий роль морально-этических норм и других общественных факторов в функционировании народного хозяйства, признает, что «человеком, несомненно, движут мотивы, которые выходят за рамки его собственного “я”. Это чувство ответственности отдельного человека перед обществом... в этом также проявляются общественные интересы, которые не сводятся к индивидуальной мотивации» [Гринберг, Рубинштейн – 2010: 7].

В теории экономической синергетики особое внимание уделяется неотъемлемой роли государства, которое провозглашается частью синергетической схемы экономики наряду с рынком свободной конкуренции, финансовым капиталом и массовыми субъектами общественного сознания [Евстигнеева, Евстигнеев – 2009: 41].

На наличие социальных предпочтений, которые не учитываются в экономической теории, указывают российские ученые А. Радыгин и Э. Энтов: «Исходный пункт экономического анализа – система индивидуальных предпочтений – в реальной жизни включает различные “социальные” предпочтения, как правило, не фигурирующие в стандартных теоретических моделях» [Радыгин, Энтов – 2012].

Сегодня многие ученые ищут более адекватные ответы на эти вопросы. Один из авторов набирающей научную силу концепции экономической социодинамики (КЭС) А.Я. Рубинштейн в статье «Общественные интересы и теория публичных благ» поясняет, что теоретическое ядро этой концепции «базируется на отказе от абсолютизации методологического индивидуализма и переходе к более мягкому принципу комплементарности, допускающему существование групповых интересов наряду с предпочтениями индивидов» [Рубинштейн – 2007: 103]. Это вполне логичное допущение автор делает на том основании, что общественные интересы реально существуют помимо интересов чисто индивидуальных и первые не всегда можно свести ко вторым.

Однако недостаточно, на наш взгляд, лишь констатировать наличие общественных интересов без объяснения причин их возникновения и характера взаимодействия с интересами индивидуумов. Иначе общественные интересы предстают как чужеродное тело в мире индивидуального эгоизма, как нечто случайное и необязательное, в лучшем случае как исключение из господствующих правил. Если же считать их порождением самого общества, то и в этом случае непонятно, что подвигло его защищать именно общие блага вместо охраны только индивидуальных ценностей.

Нельзя просто отказаться от абсолютизации индивидуализма и дополнить или как-то преобразовать соответствующий методологический принцип. Необходимо, на наш взгляд, найти в самой жизни подтверждение правомерности такого отказа и ответить на вопрос, откуда возникают групповые, общественные интересы, противоречат ли они человеческой сущности или являются ее порождением. Иными словами, ощущается потребность в принципиально иной аксиоматике, отражающей не умозрительные построения какого-либо исследователя, а реальную действительность, которую он изучает.

Истоки и утверждение коллективизма в человеческой личности

Ради выживания человека как индивида и как биологического рода в его природные инстинкты заложен индивидуализм — превалирование личных интересов над интересами других людей. Индивидуализм обеспечивает выживание человека, как и любого животного, среди себе подобных, с которыми он вынужден конкурировать, а иногда даже бороться за жизнь.

Но одновременно с индивидуализмом в инстинкты животных природой изначально заложен и коллективизм в той мере, в какой он необходим для выживания биологического рода, для его продолжения в потомках. Черты коллективизма проявляются в материнском инстинкте, который заставляет самку заботиться о своем детеныше в ущерб собственным потребностям и иногда жертвовать ради него своей жизнью. Это относится и к ее брачному партнеру, заставляя самца заботиться о самке и детеныше, снабжая их пищей и защищая от врагов тоже даже ценой жизни.

Следовательно, элементы коллективизма, т.е. умения жить совместно с другими, заложены уже в природных инстинктах животных, в том числе и любого человека. Но человек является разумным животным (*homo sapiens*), и, будучи таковым, он осознает свои действия, в том числе и инстинктивные, подвергает их критическому анализу и стремится облегчить себе жизнь даже за счет недобросовестного выполнения своих естественных обязанностей. Поэтому встречаются люди настолько эгоистичные, что не считают себя связанными брачными и родительскими узами и поэтому не выполняют свое начертанное природой предназначение. При этом они считают, что поступают разумно, сознавая исключительную ценность своей личности.

Если разум способен атрофировать даже природные инстинкты, то он часто толкает и на деградацию других человеческих качеств. Поэтому разумное поведение для разных людей означает не одно и то же. Добропорядочные и законопослушные ограничи-

вают свои действия рамками приличия и дружелюбия. Другие же руководствуются чувством вседозволенности, считая разумным не связывать себя моральными обязательствами и действовать исключительно в собственных интересах, не считаясь с существующими правилами и запретами. Разум, следовательно, вызывает у одних людей стремление к личному и совместному комфорту, обеспечиваемому взаимоуважением и нежеланием причинить вред ближнему, а других настраивает на извлечение выгоды за чужой счет, не считаясь с окружающими и видя в них недалеких и закомплексованных обществом существ.

Человек изначально является общественным животным в отличие от большинства представителей животного мира. Он может жить и развиваться только в обществе себе подобных. Вне этого общества он утрачивает человеческие черты и начинает вести себя подобно животным, в чью среду он попадает. Вне общества люди не могут сохранять свою человеческую сущность и, как показывают реальные жизненные примеры, быстро деградируют и начинают вести себя как животные, среди которых они волею судеб оказываются, даже начинают передвигаться на четвереньках. Следовательно, в отличие от большинства представителей животного мира человек является существом общественным, выживающим и развивающимся только в среде себе подобных. Впрочем, зачаточные элементы коллективизма присущи и большинству животных. Даже в волчьей стае соблюдаются общие правила, в том числе уважение и подчинение вожаку ради всеобщей безопасности и удачной охоты.

Поскольку всем людям суждено жить вместе не только в семье, но и в более крупных социумах, то их выживание и совершенствование возможно только при условии ограждения более слабых физически и менее удачливых в жизни от посягательства сильных и напористых. Поэтому в обществе вырабатываются правила лояльного поведения, за соблюдением которых всеми его членами следят общественные структуры от семьи до государства. Это происходит потому, что сами люди хотят жить именно так, чтобы выжить и реализоваться как личности. А хотят они этого по причине наличия у них наряду с инстинктивным, животным индивидуализмом также и коллективистского начала, изначально заложенного инстинктом самосохранения человеческого биологического вида, а затем приоб-

ретаемого в процессе жизни не только в семье, но и в более крупном и организованном для цивилизованной жизни обществе. Иначе человеческое общество развивалось бы по законам дикой природы с той существенной разницей, что из-за дарованного людям неоднозначного по своим индивидуальным последствиям разума внутривидовой естественный отбор осуществлялся бы не по принципу «ворон ворону глаз не выклюет», а путем так называемого социального дарвинизма.

Сколь бы эгоистичным ни казался конкретный человек, он с самого своего рождения соглашается с некоторыми (по меньшей мере, пригодными для себя лично) правилами поведения, принятыми в его семье или более широком социуме. Так начинают складываться помимо врожденного эгоизма зачатки коллективизма, необходимого для совместного пребывания в обществе.

В жизни многое делается вопреки эгоизму, а врожденный индивидуализм дополняется у людей коллективизмом. Он начинает формироваться уже в семье под влиянием позитивного примера родителей и других родственников. Ребенок учится не быть эгоистом, делится своими игрушками и сладостями, осознает неприкосновенность чужого имущества и необходимость заботиться об общем благе.

Взрослые люди, вынужденные жить в более широком, чем семья, социуме, быстро начинают осознавать потребность в защите от враждебных действий более сильных, богатых и влиятельных соплеменников. При родовом строе они доверяли заботу о своем благополучии главе рода, а в дальнейшем — избираемым блюстителям порядка. В людях постепенно крепло убеждение, что необходимо усмирять собственное своеволие и добиваться того же самого от других. Иначе наладить нормальную жизнь невозможно. Так при всеобщем согласии возникает общественная система безопасности, исторически связанная с появлением государства и его ролью арбитра. При отсутствии элементов коллективизма в отдельной личности этого сделать было бы невозможно.

Итак, наличие общественной стороны человеческой сущности, наряду с индивидуальной, доказывается всем ходом истории, самым фактом объединения людей в разные социумы, их длительного существования и поступательной эволюции. В отличие от ин-

стинктивного индивидуализма, каждый вновь рождающийся индивид в результате многовекового пребывания людей в обществе наследует некую генетическую предрасположенность к жизни в коллективе и затем приобретает уже разумный коллективизм, т.е. полноценную способность жить в социуме с действующими в нем правилами общежития.

Касаясь экономических аспектов данной темы, необходимо аксиоматично констатировать, что всем разумным людям свойственно стремление к получению большего эффекта с меньшими затратами. Но это стремление может приводить к разным последствиям в зависимости от настроения конкретного человека вплоть до желания обладать чем-либо без всяких вообще затрат (например, путем обмана, воровства, грабежа, и даже убийства).

Классики экономической теории, исходившие из методологического индивидуализма при исследовании рыночной экономики, имплицитно предполагали готовность субъектов рынка (торговцев, производителей и потребителей товаров) соблюдать определенные правила, без которых цивилизованные рыночные отношения просто невозможны. Само собой разумеется, что при обмене товаров его участники должны быть честными и не стремиться обвешивать, обсчитывать, укрывать товары, т.е. не обманывать друг друга. Поскольку за соблюдением правил честной торговли поначалу никто не следил, а товарообмен происходил беспрепятственно, то остается полагать, что люди поступали так добровольно. Они могли это делать только под влиянием каких-то особенностей своей натуры, свидетельствующих, на наш взгляд, о наличии у них не только индивидуалистских, но и некоторых коллективистских наклонностей. Можно, конечно, настаивать, что они действовали из эгоистических побуждений, считая это вслед за Н.Г. Чернышевским разумным эгоизмом, однако сама разумность их поведения по отношению к другим, а не к себе любимому, свидетельствует об ограничении их индивидуализма зачатками коллективизма.

Признание людей рациональными экономическими субъектами, пекущимися о собственной выгоде, но соблюдающими правила честной торговли, фактически подрывает принцип методологического индивидуализма тем, что дополняет его чем-то, что неизбежно присутствует при обмене разных товаров как равных стоимостей.

Признание всех рыночных партнеров равными себе по честности означает по сути подавление собственного эгоизма ради общего дела.

Конечно, это не отменяет главного — все субъекты рынка руководствуются своими собственными интересами и ни в коей мере не проявляют альтруизма. На рынке, следовательно, господствует индивидуализм, хотя и скорректированный необходимостью заниматься общим делом. Но жизнь, в том числе и экономическая, не сводится только к рыночным отношениям. Она протекала до появления рынка и продолжится после его исчезновения. В человеке, следовательно, одновременно уживаются две сущности — представителя животного мира с соответствующими врожденными инстинктами и члена человеческого общества с благоприобретенными коллективистскими наклонностями.

Два начала человеческой личности — индивидуализм и коллективизм — порождают у нее как индивидуальные, так и общественные интересы. Они генерируются самой природой человека как общественного животного, осознаются отдельными личностями по-разному и сосуществуют в разной пропорции в зависимости от присущих им склонностей.

Индивидуальный интерес — это стремление каждого человека к получению только для себя максимума пользы и к недопущению грозящего ему вреда. Полезно для нормального человека все то, что содействует его продолжительной и высококачественной жизни, а вредно то, что этому мешает.

Индивидуальный *экономический* интерес состоит в обеспечении человеком необходимых условий для его жизни с помощью собственного труда и имеющихся у него средств. Частные интересы индивидов реализуются в процессе их свободных взаимоотношений на конкурентной основе. В экономической сфере это происходит посредством рынка, где осуществляется эквивалентный обмен индивидуальными благами (стоимостями). Конкуренция присутствует и при стремлении людей занять более благоприятный социальный статус.

Общественный интерес любого человека состоит в стремлении извлекать пользу от пребывания в том или ином социуме и одновременно получать защиту от нанесения вреда со стороны этого социума или отдельных его членов.

Коллективистское начало в человеке — не абстрактное понятие. Оно проявляется у каждой личности в разных конкретных формах. Общественные интересы личности проявляются уже на уровне врожденных инстинктов (создание семьи, объединение в группы для защиты от внешней опасности). Но в полной мере они выражаются в приобретенных моральных устоях (уважение прав других членов социума, ограничение ради них собственных необузданных желаний) и в готовности соблюдать законы и другие общественные нормы. Опосредованно они проявляются при участии человека в деятельности разных общественных структур, призванных защищать не только индивидуальные, но и коллективные интересы групп, социальных слоев, классов и народа в целом. Люди проявляют свои коллективистские качества, следуя нормам общественной морали, требуя выполнения законов, соблюдая чистоту и порядок на улицах, борясь за справедливость, словом, защищая общественные интересы.

Индивидуальные и общественные интересы уживаются в каждом отдельном человеке, они противоборствуют и определенным образом сочетаются, причем временами они могут даже полностью подавлять друг друга. Но они тем не менее реально существуют в диалектическом единстве и выражаются в конкретных поступках и общем поведении любого индивида. Само существование помимо законченных эгоистов еще и альтруистов свидетельствует о наличии у последних ярко выраженных социальных интересов, которые часто преобладают и определяют личностный тип. Этот интерес заставляет таких людей задумываться об общем благе, об улучшении жизни других людей и всего социума, совершать неэгоистичные поступки, и даже посвящать всю свою жизнь служению общему делу. И в политику многие идут не только ради личной выгоды, но и для защиты групповых и всеобщих интересов.

При организации жизни в любом социуме складываются правила общежития, которые не навязываются извне, а являются выражением коллективистского начала в людях. Они сами так хотят жить, хотя некоторых из них, в ком преобладает эгоизм, приходится всем миром принуждать к соблюдению установленных правил. Стремление к общему благу в разной мере есть у каждого индивида. Поэтому у людей, оказавшихся в коллективе, начинает просыпаться-

ся или укрепляться их коллективистское начало, хотя до этого оно могло спать крепким сном. Если бы люди сами не организовывали совместную жизнь, то она в принципе была бы невозможной. А если она реально существует, то значит, что дух коллективизма присутствует у большинства индивидов, заражающих им других или по крайней мере заставляющих их ограничивать свой эгоизм. Правда, не исключается и другой вариант, когда может возобладать всеобщий эгоизм, и тогда социум распадается или деградирует. Большинство людей легко преодолевают в себе эгоизм и не страдают от того, что им приходится смирять свою необузданность.

Общественные интересы и публичные блага

Если изначально коллективистский интерес присутствует в каждом человеке, хотя выражается он по-разному и может иметь не только позитивный, но и негативный смысл (во втором случае он используется группой лиц для организованного противостояния обществу и достижения корыстных, и даже криминальных, целей), то и у социума как сообщества отдельных личностей появляются, осознаются и реализуются его собственные интересы. Являясь в принципе продолжением коллективистских интересов индивидов (иначе они просто не могли бы возникнуть на пустом месте), общественные интересы осознаются и формулируются самим социумом или его руководящими органами и начинают свою самостоятельную жизнь, вступая нередко в противоречие с индивидуальными интересами составляющих его людей.

Такое отчуждение общественных интересов от отдельной личности неизбежно в условиях ее нахождения в социуме. Некоторые общественные интересы личность просто не может реализовать самостоятельно и вынуждена делегировать их обеспечение общественным структурам. При этом могут сильно различаться способы такого делегирования, степень демократичности применяемых процедур, точность осознания общественной пользы, эффективность выполнения уполномоченными органами задачи защиты общих интересов.

Не отрицая самого факта нормативного оформления руководящими структурами общественных интересов, нельзя в то же время согласиться с утверждениями, что интересы общества носят исключительно нормативный характер. В процессе нормотворчества лишь формулируются подспудные общественные интересы, которые существуют объективно и лишь отражаются с разной степенью точности в государственном законодательстве. Вечный, экзистенциальный интерес любого устоявшегося общества (страны, государства) заключается в стремлении к выживанию и саморазви-

тию. Более конкретные интересы связаны с особенностями разных социумов, с использованием этих особенностей к собственной выгоде. Речь идет о защите и облагораживании занимаемой территории, использовании природных и приобретенных ресурсов, улучшении социальных условий жизни, развитии науки и культуры в самом широком понимании. Эти интересы в своей совокупности осознаются обществом и оформляются представительными органами с использованием разных управленческих процедур, которые на деле могут быть как демократическими, так и диктаторскими. Следовательно, патернализм является лишь частным случаем в многообразии способов общественного регулирования, которому, как известно, не чужды самоуправление и разные формы функционирования гражданского общества.

Государством, как и любым социумом, управляют разные люди. В некоторых из них преобладает эгоизм, и они могут действовать во вред обществу и преимущественно ради личной выгоды. Поэтому государственная власть далека от совершенства. Она выполняет свою функцию защиты общественных интересов не всегда успешно, причем не исключается подмена их клановыми и диктаторскими интересами. Все это должно учитываться при организации системы управления, которой необходимы сдержки и противовесы, ограничивающие негативные явления и минимизирующие неизбежные недостатки государства как такового.

Понять механизм взаимодействия частных и общественных интересов можно только в их единстве, а не в противопоставлении их как взаимоисключающих категорий. Тогда более четкими станут и представления о частных и общественных благах, которые предназначены для реализации двух разных типов интересов личности.

Частные и общественные (публичные) блага предназначены для удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей людей. В них материализуются их соответствующие интересы, удовлетворяемые этими благами.

Частные блага создаются индивидуальными и корпоративными производителями для удовлетворения потребностей индивидов или их добровольных объединений. На свободном рынке, где обращаются такие блага в виде товаров и услуг, господствуют преи-

мущественно индивидуальные интересы, эгоизм и корысть. Там все виды труда приводятся к общему знаменателю, каковым служит общественно необходимый труд, и выравнивается платежеспособный спрос на товары с их реальным предложением при помощи соответствующего изменения цен. На рынке нет места для альтруизма, каждый его участник следит, чтобы обмен был эквивалентным или же совершался только в свою пользу. Но даже там человек не всегда ведет себя эгоистично. Когда хозяйка покупает продукты на рынке, она исходит не только из своих собственных потребностей и желаний, но и из нужд всей семьи. Точно так же действуют и представители корпораций, непроизводственных учреждений и государственных структур. Все они имеют мандат своих организаций, в котором воплощен их социальный выбор, и они руководствуются им независимо от того, каким образом (демократическим или диктаторским) этот выбор был сделан.

Общественные блага предназначены для удовлетворения общих потребностей людей. Эти блага неоднородны, отдельные их виды получили разные наименования: публичные, мериторные, опекаемые — в зависимости от способов их создания и использования.

В зависимости от способа возмещения затрат на их производство публичные блага подразделяются на платные и бесплатные. В процессе их использования складываются принципиально разные материальные взаимоотношения между государством и гражданами.

Общественные блага, предназначенные для всеобщего и в основном бесплатного потребления, производятся и используются иначе, чем частные и те публичные блага, затраты на которые частично или полностью возмещаются пользователями. Рыночные закономерности здесь действуют в определенных пределах, например, требуя соответствия издержек производства потребительным свойствам конкретных благ, что важно для экономии бюджетных средств. Аллокация же инвестиций по объектам и сферам осуществляется волевым решением властей в зависимости от оценочных потребностей общества в тех или иных публичных благах.

По способу потребления гражданами общественные блага подразделяются на два принципиально разных типа: материальные и нематериальные. Материальные блага представляют собой

конкретные объекты, создаваемые государством или обществом и используемые всеми желающими в индивидуальном порядке преимущественно бесплатно (парки, библиотеки, школы, больницы, поликлиники, бесплатные шоссе) или же за полную и льготную плату (объекты энергетической, транспортной и иной инфраструктуры). В первом случае одни индивиды могут пользоваться бесплатным благом многократно, а другие вообще отказываются от него за ненадобностью, не получая за это никакой компенсации. Во втором случае граждане пользуются благами сугубо индивидуально и оплачивают только потребленную их часть. Государство берет на себя труд создавать эти блага в тех случаях, когда частники этого не могут или не хотят делать. Здесь господствуют чисто рыночные отношения, когда индивид платит за услугу сполна, хотя государство может в социальных целях предоставлять субсидии малоимущим или льготы малому бизнесу, экспортным и социально значимым производствам.

Нематериальные общественные блага представляют собой не обычные товары и услуги, а создаваемые государством условия, обеспечивающие всеобщие интересы граждан нематериального свойства. К ним относятся условия безопасной и упорядоченной жизни граждан, создаваемые государством независимо от их личных желаний и готовности платить за это налоги. Их можно подразделить на три группы: 1) обороноспособность страны (защита ее от внешних врагов); 2) внутренняя безопасность граждан и защита их конституционных прав; 3) управляемость страной в целом и разными сферами жизнедеятельности общества. Последнее благо включает: а) государственное администрирование на всех уровнях; б) регулирование экономического и научно-технического развития; в) совершенствование социальной сферы и достижение социальной справедливости; г) содействие развитию культуры в целом и различных ее направлений.

Нематериальные блага в отличие от материальных предоставляются сразу всем гражданам во всей их совокупности и используются в комплексе без индивидуализации их потребления. Для обеспечения таких благ создаются специальные материальные объекты (армия со всем ее оснащением, оборонно-промышленный комплекс, органы правопорядка, суды, тюрьмы, учреждения государственной власти, организации социальной и культурной сфер),

но эти объекты не всегда используются гражданами индивидуально и служат лишь общей материальной базой, необходимой для предоставления соответствующих нематериальных благ.

Подведем итог вышеприведенных рассуждений. Итак, в реальной действительности проявляется двойственная природа человека, и она отвергает одностороннее представление о нем как об исключительно эгоистичной личности. Осознание этого факта требует новой экономической аксиоматики, которая исходит из подлинной природы человека, являющегося не просто рациональным индивидуалистом, но еще и непременным членом разных коллективов и человеческого общества в целом.

Индивидуализм и коллективизм свойственны человеку во всех проявлениях его жизнедеятельности. Но в разных сферах может преобладать одно из этих двух сущностных свойств. В рыночных отношениях на передний план выходит индивидуалистическая сущность человека как производителя, торговца, покупателя и потребителя. При организации же общественной жизни во всех ее проявлениях первичным становится коллективизм. Общественные интересы заставляют вмешиваться в изначально стихийные рыночные отношения, которые регулируются государством в пользу самих людей, страдающих от естественного монополизма и других неурядиц на рынке вплоть до периодических кризисов.

Поскольку предлагаемый методологический подход сочетает в себе два антагонистических постулата, то логично было бы назвать его методологическим дуализмом. Однако этот термин уже применяется к сочетанию разных по смыслу двойственных понятий. Под методологическим дуализмом подразумеваются, например, двойственное единство материализма и идеализма, физики и метафизики, естественных и общественных наук, конкретного и абстрактного, теории и практики, части и целого и т. п. Не вдаваясь в обоснованность подобных дихотомий, следует признать, что исходный научный метод, применяемый в общественных науках, включая экономическую, не может называться просто методологическим дуализмом, а нуждается в необходимой спецификации. Самым точным, но, возможно, недостаточно благозвучным, его названием может стать «методологический дуализм индивидуализма и коллективизма» как отражение двойственной природы человека.

В упрощенном виде подходит также формула «методологический индивидуализм-коллективизм».

Методологический дуализм в вышеизложенном понимании важен не только для экономических, но и других общественных наук, изучающих человеческие отношения в разных сферах жизни социума. Там также проявляется двойственная природа человека, без учета которой нельзя до конца понять ни мотиваций отдельной личности в разных обстоятельствах, ни природу и особенности любых общественных институтов.

Предлагаемая аксиоматика человеческой сущности отвергает как безудержный индивидуализм, к которому нельзя свести все богатство поведения человека в повседневной жизни, так и всепоглощающий, в особенности насильственный, коллективизм, подчиняющий себе свободную личность. Реально имеет место сочетание этих двух начал на всех уровнях (в каждом человеке, в любом социуме, в государстве и обществе в целом), и задача науки состоит в исследовании разных вариантов такого сочетания в тех или иных конкретных условиях.

Государство как основной защитник общественных интересов

Особого внимания для раскрытия нашей темы заслуживает государство как выразитель и защитник общественных интересов. Прежде всего государство играет главную роль при создании общественных благ и определении способов пользования ими гражданами. Оно является и инвестором, и заказчиком, и поставщиком общественного блага, которое потребляется гражданами в добровольном или принудительном порядке. Бесплатное благо не может считаться товаром, который, как известно, производится не для себя, а на продажу. Товарные категории к бесплатным публичным благам не подходят, так как государство по существу ведет натуральное хозяйство, т.е. само определяет потребность в конкретном благе, затраты на его производство и условия его предоставления гражданам. То, что благо потребляется не самим государством, а его гражданами, не делает его товаром, подобно тому как продукция натурального крестьянского хозяйства, потребляемая членами семьи, не становится товаром, если она не продается на рынке. Государство тем не менее широко использует рыночные отношения при взаимодействии с частным сектором и в рамках государственно-частного партнерства.

Государство не получает плату за свои услуги, как это происходит при эквивалентном обмене, а главное — оно не извлекает прибыли от своей деятельности, к чему стремится любая коммерческая фирма. Оно создает и предоставляет общественные блага в интересах всего общества и каждого гражданина в отдельности. Налоговые платежи за предоставляемые блага не индивидуализированы в зависимости от конкретного использования блага, т.е. нет прямой количественной связи между величиной уплаченного налога и размером потребленных каждым индивидом общественных благ. У людей с разным достатком эти вклады могут быть разными, но они имеют право пользоваться общественными благами в равной мере или не пользоваться ими вообще. Следовательно, между госу-

дарством и его гражданами в большинстве случаев не возникают отношения купли-продажи бесплатного общественного блага или его части.

Средства бюджета перераспределяются государством без учета мнений каждого отдельного гражданина, опираясь лишь на сигналы от общества, поступающие в агрегированном виде, причем окончательное решение всегда остается за властями. Граждане все вместе и каждый в отдельности лишь косвенно могут влиять на это решение через всеобщие выборы и референдумы с помощью демократических процедур и законодательных актов. Если же все общественные блага условно посчитать одним товаром, создаваемым государством и продаваемым обществу, а совокупные налоговые поступления в бюджет — платой за них или их ценой, то такого рода эквивалентный обмен действительно имеет место, но совершается он не на свободном конкурентном рынке, а в форме общественного договора помимо обычных рыночных отношений. Необходимо также иметь в виду, что общественные блага удовлетворяют еще потребности соответствующих публичных структур в соответствии с их субъективным пониманием интересов данного социума [Князев — 2014].

В области экономики все большую роль играют механизмы сознательного регулирования, не только дополняющие и корректирующие рыночный автоматизм, действующий на принципах индивидуализма, но и обеспечивающие учет интересов всего общества, правда, не непосредственно, а через предпочтения государственной власти, которая, к сожалению, далека от совершенства.

Поэтому очень важно понимать подлинную сущность государства, чтобы не питать иллюзий и не предъявлять к нему заведомо невыполнимых требований. Современное государство, даже если оно называется социальным и обещает всеобщее благосостояние, по-прежнему является классовым, защищающим в первую очередь интересы правящей элиты и охраняющим породивший ее общественный строй.

Нынешний мир живет в эпоху господства капитализма, и современные государства защищают капиталистические порядки. Сущность государства не может измениться, пока сохраняется капиталистический строй. Необходимо исходить из того, что Россия —

это тоже капиталистическая страна, и бессмысленно ожидать, что существующее в ней государство может быть чем-то иным. Этот очевидный факт опровергает как предположение утопистов о договорной природе государства (вряд ли все общество добровольно согласилось бы на правление деспота), так и современные учения о его патерналистском характере (ибо трудно воспринимать нынешнюю своекорыстную бюрократию как доброго справедливого отца народа).

Государство хотя и может маневрировать, но в конечном счете стоит на защите в первую очередь интересов политически господствующих сил. Оно в большинстве случаев реализует интересы власть имущих, являющихся одновременно крупными собственниками, охраняя и умножая их богатство. И мы видим, как в кризис государство спасает крупные банки и корпорации, проводит их докапитализацию из бюджетных средств, дает им налоговые послабления, одновременно усиливая поборы с граждан. Разумеется, в обществе могут протекать и противоборствующие процессы, приводящие к массовым волнениям, и если они достаточно действенны, государству приходится с ними считаться.

Но значит ли это, что государство совсем не заботится о благополучии всей страны? Конечно, нет, и в этом проявляется диалектическая противоречивость государства, вынужденного в той или иной степени реализовывать интересы других социальных групп. Логика здесь та же, что и в случае с предпринимателями, которые заботятся исключительно о получении прибыли от своего бизнеса, но для этого должны производить товары и оказывать услуги, удовлетворяя попутно спрос потребителей, о которых они сразу же забывают, если можно заработать, например, финансовыми и иными спекуляциями.

При рассмотрении *экономической* природы государства необходимо исходить из того, что функции государства в области экономики возникали, множились и укреплялись параллельно с его другими внешними и внутренними функциями и были средством материального обеспечения последних. Власти прежде всего защищали себя от разных внешних и внутренних угроз, а защита страны и ее населения оказывалась чаще всего побочным продуктом волонтаристских акций государственной власти.

Действуя субъективно и в своих интересах, правящая элита вынуждена в то же время отвечать на объективные вызовы, перед которыми оказывалась страна, и тем самым защищать и ее интересы. Это обстоятельство широко используется властью для пропаганды своей общественной важности особенно с тех пор, как утвердилось в практике всеобщих выборов, усилившая склонность политиков к популизму.

Первоначально главной функцией государства была защита от внешних врагов и собственная территориальная экспансия, а ее экономическим аспектом была мобилизация для этого людских и материальных ресурсов. Для выполнения функции обеспечения внутренней безопасности граждан пришлось создавать государственную налоговую и бюджетную систему. Провалы рынка (монополизм, социальное расслоение) стали смягчаться мерами его государственного регулирования и проведением социальной политики, направленной на помощь обездоленным с целью сохранения гражданского мира. Участвовавшие производственные и финансовые кризисы вызвали к жизни антикризисную, противоциклическую политику, а именно — устранение государством последствий кризисов и профилактика их появления в будущем. Когда же оказалось, что рынок с его краткосрочными критериями эффективности вообще не в состоянии решать долгосрочные задачи (такие как ликвидация отставания в развитии, оздоровление структуры экономики, ускорение экономического роста в целях выживания в мировой конкурентной борьбе, что особенно актуально для нынешней России), то эти задачи также легли на плечи уже современного государства.

Причину увеличения роли государства в экономике некоторые авторы видят в усложнении производства и технологий, не объясняя, почему более сложная экономика нуждается в большем государственном вмешательстве. Главная причина, по нашему мнению, — в другом, а именно в появлении все новых экономических вызовов, ответить на которые можно только с помощью государства, способного ставить и решать возникающие задачи. Об этом свидетельствует весь исторический опыт.

При выполнении своих экономических функций власть неизбежно совершает ошибки, иногда очень серьезные, называемые по аналогии с провалами рынка провалами государства. Последние

в отличие от объективных изъянов рынка носят сугубо субъективный характер и поэтому могут иметь даже более разрушительные последствия. Большая часть этих провалов вызваны опять-таки тем, что государство заботится преимущественно об интересах элиты, а не страны в целом. Как советское государство страдало от провалов, порождавшихся однопартийной идеологией, так и наше капиталистическое государство не свободно от провалов, связанных, например, с дефицитом справедливости. Каждое конкретное государство страдает собственными недостатками из-за своей своекорыстной идеологической и политической ангажированности.

Идеального государства не бывает. Наше капиталистическое государство, провозглашенное Конституцией Российской Федерации социальным, остается по сути классовым со всеми его изъянами. В то же время объективная необходимость ставит перед государством, помимо его основной функции — защиты интересов правящей элиты, еще и задачи обеспечения, ради самосохранения, ускоренного экономического роста и хотя бы минимального благополучия граждан.

Вносимые государством коррективы в спонтанные рыночные процессы и другие способы общего регулирования придают экономике социальный характер в том смысле, что в результате этого защищаются и балансируются интересы всех субъектов рынка независимо от их величины и мощи. Исходя из этого, функционирующая в современных развитых странах рыночная экономика должна считаться, на наш взгляд, не просто социальной, а социально-регулируемой. Экономика становится таковой не только из-за наличия социальной сферы в ее узком понимании, но и вследствие регулирующей роли государства, при которой вся экономика превращается в общественное благо, полезное не только социально незащищенным людям, но и каждому отдельному товаропроизводителю и потребителю, а также всем им вместе и обществу в целом.

Одним из важнейших для жизни людей общественным благом, включаемым обычно в общее понятие «управление обществом», является народнохозяйственное планирование (стратегическое и текущее), незаслуженно игнорируемое либеральными экономическими школами, но крайне необходимое для современной России.

Народнохозяйственное планирование как императив для России

Для дальнейшего ускоренного и эффективного развития российской экономики настоятельно необходимо перейти к комплексному, т.е. народнохозяйственному, планированию. Речь идет именно о совокупном планировании всей экономики, так как фрагментарные планы в нашей стране уже широко представлены в виде многочисленных национальных проектов и государственных программ развития отдельных хозяйственных и социальных сфер. Такое фрагментарное планирование, к сожалению, не учитывает совокупного состояния народного хозяйства и потому далеко от оптимальной эффективности.

Народнохозяйственное планирование необходимо по крайней мере по двум причинам. Во-первых, инициирование любой конкретной программы общегосударственного значения должно исходить не только из назревшей потребности в достижении именно этих намеченных целей, но и из оценки их первоочередности во всем комплексе актуальных задач социально-экономического развития страны. Во-вторых, учет общей картины исходного состояния экономики и общих возможностей ее дальнейшего развития позволяет определить последовательность решения встающих перед страной задач с учетом полного использования имеющихся ресурсов.

Осознание неизбежности комплексного планирования для нашей страны буквально висит в воздухе. В последние годы роль такого планирования пытаются выполнять майские указы президента, ставящие конкретные задачи перед правительством в основном в социальной сфере, но не предлагающие работающих механизмов достижения намеченных целей помимо выделения необходимых объемов финансовых средств из госбюджета. Именно из-за отсутствия четкого временного графика продвижения к конечным целям и мер по обеспечению их достижения в сфере реального производства такого рода задачи практически не выполняются.

Принятые в 2014 г. два закона «О стратегическом планировании» и «О промышленной политике» в Российской Федерации наконец-то сняли табу с употребления этих терминов в научном и публицистическом дискурсе. Но это, пожалуй, единственная польза от принятия этих законов, так как они носят чисто рамочный и декларативный характер и не устанавливают обязанность государственных органов планировать развитие и проводить промышленную политику, а главное — не содержат механизмов реализации намечаемых целей и задач.

Если говорить в более конкретном плане, то необходимость действенного народнохозяйственного планирования в современной России вызывается тем, что наша страна серьезно отстает в экономическом развитии от передовых государств и нуждается в скорейшем выходе из этой отсталости. Если для успешных стран достаточно так называемого индикативного планирования, поддерживающего спонтанный экономический рост и мягко корректирующего сложившиеся пропорции косвенными мерами бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, то нашей стране, нуждающейся в радикальном изменении архаичной экспортно-сырьевой структуры и переходе к индустриально-инновационной экономике, необходимо более жесткое планирование, обеспечивающее нужный результат сравнительно короткий промежуток времени.

Поэтому планирование у нас должно быть не прогнозным и проблематичным, а обязывающим в том смысле, что научно-политическое целеполагание должно облекаться в народно-хозяйственные планы с обязательным выполнением плановых задач в намеченные сроки.

Такая постановка вопроса многими не воспринимается всерьез потому, что она напоминает советское директивное планирование, действительно невозможное в рыночных условиях. Но это не значит, что целеустанавливающего народнохозяйственного планирования не может быть в принципе в рыночной экономике. Оно вполне возможно, если при этом не будут нарушаться объективные рыночные условия хозяйствования, если оно обязательно будет считаться с независимостью частных субъектов рынка и будет привлекать их к выполнению государственных планов только на добровольной основе.

Ясно, что народнохозяйственное планирование в рыночных условиях не должно быть всеохватывающим. Текущее развитие большинства производств регулируется рыночными законами и определяется платежеспособным спросом. Государственные планы должны распространяться только на важнейшие проекты, предназначенные для решения задач развития всей экономики, изменения ее отраслевой структуры и приоритетов роста. Но именно для этого плановые органы должны обладать полной информацией о производственном и научно-техническом потенциале страны и совокупных потребностях бизнеса и государственных структур на федеральном и местном уровнях.

Реальную возможность такого планирования создает государственно-частное партнерство, при котором осуществляется софинансирование государством и частным бизнесом крупных инвестиционных проектов, реализация которых достигается использованием всех доступных рычагов воздействия и стимулирования, таких как госзаказы, государственные закупки, льготное кредитование и налогообложение, другие средства гарантирования государством безусловного выполнения коммерческих контрактов, заключаемых государственными органами и частными организациями для налаживания запланированного выпуска необходимой для страны продукции и выполнения соответствующих строительно-монтажных работ. Таким путем можно привлечь к финансированию плановых проектов средства частного бизнеса, в несколько раз превышающие по объему бюджетные инвестиции, как это подтверждено имеющейся практикой работы государственных фондов целевого инвестирования.

При обсуждении достоинств государственно-частного партнерства в нашей литературе и на научно-производственных форумах до сих пор не рассматривалась возможность его использования именно в планировании. А ведь оно может стать действенным средством выполнения государственных планов наряду с прямым финансированием инвестиционных проектов из госбюджета.

Такое планирование в отличие от директивного или индикативного можно назвать целеустанавливающим партнерско-коммуникативным. Оно призвано устанавливать цели развития на научной основе и с учетом государственных интересов и обеспечивать

их достижение путем добровольного взаимовыгодного партнерства между государством и частным бизнесом при постоянной коммуникации (прямых и обратных связях) между участвующими в этой системе субъектами в процессе составления, выполнения и корректировки планов.

Переход к народнохозяйственному планированию потребует создания соответствующего механизма плановой деятельности. Этим, несомненно, должно заняться особое ведомство, с учреждения которого следует начать сложную подготовительную и последующую работу. В отличие от Минэкономразвития, решающего текущие проблемы и занимающегося в основном латанием дыр, и Минфина, озабоченного сбором бюджетных доходов из узкой базы налогообложения и созданием зачатков на будущее, этот новый государственный орган будет заниматься исключительно развитием экономики, обеспечением ее упреждающего (а не просто догоняющего) роста, и именно на это он будет преимущественно направлять необходимые ресурсы, которыми страна реально располагает.

Этот новый орган может быть создан на базе имеющихся в разных ведомствах и НИИ отделов стратегического планирования и народнохозяйственного прогнозирования с привлечением еще сохранившихся опытных плановиков советского времени. Только он сможет провести объективную инвентаризацию всего нашего производственного и научно-технического потенциала и беспристрастное ранжирование отраслей и производств по их экономической эффективности и перспективной конкурентоспособности для определения приоритетов в их развитии. В этом он кровно заинтересован, ибо непосредственно отвечает за реальное, а не показное, выполнение им же самим установленных плановых заданий. Именно он должен проделать необходимую организационную работу и выработать практические алгоритмы функционирования системы народнохозяйственного планирования.

Осознав необходимость и возможность народнохозяйственного планирования в нашей рыночной экономике, можно перейти к разработке не призрачной, а реальной стратегии социально-экономического развития страны, которая не останется мертвым словом на бумаге, а будет реализовываться на практике. Главная, почти консенсусная, стратегическая цель сегодня — это изменение

структуры нашей экономики и ее ускоренное развитие. Для достижения этой цели нужно прежде всего определить, какие производства необходимо возродить или создавать заново, чтобы затем развернуть их по всей территории страны в сотрудничестве с частным бизнесом.

Новыми драйверами экономического роста, взамен исчерпавшей свои возможности добывающей промышленности и достигшей предела насыщения сферы услуг, может стать всемерное развитие машиностроения и его сердцевины – станкостроения и налаживание на этой отечественной технической основе переработки нашего обильного сырья в высокотехнологичную продукцию, востребованную внутри страны и за рубежом. Этого настоятельно требуют также интересы государственной безопасности с учетом введенного против России режима удушающих санкций, которые все время продлеваются и ужесточаются.

Однако дело далеко не ограничивается освоением отечественной промышленностью высокотехнологичных видов продукции. Необходимо одновременно создать условия для преимущественного сбыта ее на обширном внутрироссийском рынке.

Дело в том, что без всемерной поддержки государства наши производители не в состоянии конкурировать с иностранными ТНК не только на внешнем, но и на внутреннем рынке, где отечественные новинки заведомо не будут пользоваться спросом, так как они будут уступать зарубежным аналогам по цене из-за огромных первоначальных вложений в НИОКР и по качеству, невысокому на первых порах их освоения.

Отдав обширный российский рынок более конкурентоспособным и мощным зарубежным поставщикам, мы фактически лишили собственный бизнес шансов на развитие. В результате сегодня наши предприниматели, даже при наличии у них свободных средств для инвестиций, не стремятся к освоению инноваций по той причине, что они не уверены в возможностях сбыта новой продукции и получении хотя бы минимальной прибыли. Их творческая инициатива сковывается именно этим, а отнюдь не плохим предпринимательским климатом, о чем говорит тот факт, что продвижение России в рейтинге «doing business» со 120 на 40-е место не привело к заметному росту отечественного производства.

Из этого тупика можно выйти только при условии ограждения нашего внутреннего рынка от нечестной иностранной конкуренции и передачи его отечественным производителям целиком и полностью (за исключением, конечно, импорта изделий, без которых нельзя обойтись). Получив возможность удовлетворять немалый внутренний платежеспособный спрос продукцией собственного производства, частный бизнес начнет охотно вкладывать свои средства в совместные инновационные проекты, но при условии, что государство будет разделять с ним возможные риски.

Для осуществления такого прорыва нам крайне необходимо народнохозяйственное планирование, обеспечивающее комплексное и гармоничное развитие нашей экономики и ее ускоренный рост на индустриально-инновационной основе. Приоритеты в развитии должны устанавливаться строго осознанно и на научной основе, а не хаотично и по краткосрочным рыночным критериям, которые в условиях глобализации лишь закрепляют отсталость периферийных стран. Россия же имеет все возможности самостоятельно выйти на самые высокие рубежи, если будет проявлена необходимая политическая воля.

Заключение

Мало кто сомневается, что мировая экономическая наука сегодня нуждается в существенном обновлении. Мы живем в эпоху, когда потребность в новых теоретических подходах ощущается все сильнее, так как накапливается все больше новшеств в экономической жизни, нуждающихся в объяснении и осознании. К этому подталкивает и переживаемый миром глубокий финансово-экономический кризис, ставящий под сомнение многие постулаты нынешней экономической теории, не сумевшей не только предотвратить, но даже предсказать наступление кризисной ситуации [Князев – 2011].

В обширном аналитическом материале «Финансовый кризис и провалы современной экономической науки» группа известных экономистов и математиков выражает неудовлетворенность состоянием исследовательской мысли: «Фактически в современной теоретической макроэкономике и финансовой литературе понятие “системный кризис” выступает неким потусторонним явлением, отсутствующим в экономических моделях. В большинстве из них намеренно не указывается, как именно относиться к этому повторяющемуся явлению, как справляться с ним. В час самой острой необходимости обществу предстоит блуждать впотьмах без какой бы то ни было теоретической основы. И это мы считаем системной неудачей современной экономической теории» [The Financial... – 2010: 11].

Но и независимо от мирового кризиса современная неоднозначно глобализирующаяся и одновременно социализирующаяся экономика остро нуждается в новых теоретических подходах, способных адекватно объяснить современные реалии и послужить руководством к действию для многочисленных и разнородных экономических субъектов.

Обращает на себя внимание следующий очевидный факт: нынешняя экономическая теория, в особенности ее так называемое основное направление (mainstream), занимается в основном проблемами рынка в традиционном ключе, когда в центре внимания нахо-

дятся рыночные отношения сами по себе, а получившая огромные масштабы государственная активность все еще относится к разряду «экстерналий» — этих досадных для чистой теории внешних воздействий, которыми следует просто пренебречь. В то же время в любом учебнике «economics» мы обязательно найдем обширные разделы о макроэкономике, общественных институтах, деятельности государственных органов в хозяйственной и социальной сферах, так как без этой полной картины современную экономику невозможно представить как объект научного исследования. Однако весь этот материал, а также констатация наличия общественных благ и общественных интересов и все возрастающей роли государства, через бюджеты которого распределяется в развитых странах от трети до половины произведенного ВВП, как бы повисают в воздухе, ибо не находят вразумительного объяснения с позиций пресловутого методологического индивидуализма, все еще считающегося единственным краеугольным камнем экономической теории.

Применение методологического индивидуализма—коллективизма позволяет по-иному подойти к осмыслению современной действительности, включая экономику и социальную сферу. Он требует не ограничиваться исследованием особенностей современного рынка, а внимательно изучать также роль и функции государства, бюджет которого финансирует не только социальную сферу, но и хозяйственную инфраструктуру, научно-исследовательские работы и прорывные производственные проекты (например, добычу в США нефти и газа из сланцевых пород).

Этот методологический принцип применим и при анализе все больших отклонений в мировой практике от экономических закономерностей, открытых классической наукой. Мы являемся свидетелями того, что цены зависят теперь не от реального платежеспособного спроса, а от величины фиктивного капитала, а банки свободно выдают кредиты, не обеспеченные реальными активами. Такая практика явно противоречит здравому смыслу, а следовательно, и классической теории, утверждающей, что нельзя распределить больше того, что произведено, и опасно вечно жить в долг без отдачи вместо расходования реально полученного дохода. Ясно, что на наших глазах идет мошенническое перераспределение богатства в пользу спекулянтов, которые обирают всех остальных. А многочис-

ленные торговцы эконометрическими моделями, научившиеся зарабатывать на псевдонауке и обслуживать этот беспредел, неизбежно потерпят фиаско вместе с нынешней порочной экономической системой.

Методологический дуализм индивидуализма и коллективизма, признающий коллективистское, социальное начало в экономической жизни, требует иного, критического подхода к изучению существующей реальности и своевременного вмешательства сознательных сил для предотвращения очевидно назревающего всемирного коллапса. Он позволяет по-иному взглянуть на современную экономику и увидеть в ней элементы, явно не свойственные индивидуалистическому поведению людей. Речь идет о всей системе регулирования политических, социальных и экономических процессов в обществе. Эта разветвленная система создана людьми ради защиты их общих интересов. Центральное место в ней занимает государство, но все большее значение приобретают также самоуправленческие организации самих граждан, занимающиеся регулированием конкретных сфер их жизни и оказанием влияния на работу государственных органов, побуждая их учитывать пожелания людей и совершенствовать свою деятельность.

Методологический индивидуализм—коллективизм позволяет более продуктивно исследовать современную экономическую реальность, в которой все с большей наглядностью проявляется двойственность человеческой сущности и которая лежит в основе формирования нынешнего смешанного общества. Это особенно важно для России, кризисная ситуация в которой заставляет все больше отходить от одностороннего крена к индивидуалистскому либерализму и требует использовать весь комплекс опробованных в передовых странах механизмов функционирования социально-регулируемой рыночной экономики.

Научный подход, основанный на методологическом дуализме индивидуализма и коллективизма, позволяет более точно трактовать конкретные вопросы, относящиеся к социальной тематике. Это касается, в частности, проблемы патернализма и управления обществом вообще. Можно согласиться с утверждением, что архаичный патернализм сменился мериторным, а тот перерастает в новый, консоциативный, патернализм [Рубинштейн – 2015]. При

принятии решений о бюджетных расходах государство действительно может и должно искать способы более полного учета мнений как можно более широких слоев населения и интересов меньшинств в том числе, но следует при этом признать, что в любом случае эти решения будут неизбежно носить субъективный характер, а следовательно, будут далеки от научного оптимума.

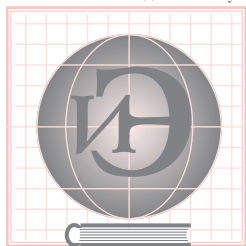
Идея отказа от одностороннего методологического индивидуализма и перехода к более реалистичному принципу методологического дуализма начинает постепенно проникать в научную литературу. Сошлемся, например, на мнение А. Попова, который усматривает связь между смешанной экономикой и методологическим подходом к ее изучению: «Сочетание методологического холизма и индивидуализма, на наш взгляд, предполагает формирование смешанной экономики, основанной на использовании плановых и рыночных методов хозяйствования» [Попов — 2015: 71]. Хотелось бы надеяться, что и данный доклад может внести свою лепту в распространение идей обновления экономической теории в направлении ее большего соответствия нынешней реальности с целью своевременного реагирования на новые вызовы и содействия решению актуальных задач хозяйственного и социального развития.

Литература

1. *Ананьин О.И.* Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: ИЭ РАН. 2013.
2. *Болдырев И.А.* Онтология экономической науки // Философские проблемы экономической науки. М.: ИЭ РАН. 2009.
3. *Гринберг Р., Рубинштейн А.* Теория, инновации и контуры будущей экономики в диалоге с Кеннетом Эрроу // Вопросы экономики. 2010. № 10.
4. *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Экономика как синергетическая система. М.: ИЭ РАН. 2009.
5. *Князев Ю.* Обновление экономической теории: от непреложного индивидуализма к коллективизму // Мир перемен. 2011. № 2.
6. *Князев Ю.К.* Современная экономика — синтез рынка и социального регулирования. М.: Ифра-М. 2014.
7. *Князев Юрий.* Воздействие глобального кризиса на экономическую теорию и практику // Общество и экономика. 2011. № 2.
8. *Князев Юрий.* Индивидуализм и коллективизм — противоречивые начала человеческой личности и общества // Экономист. 2008. № 6.
9. *Попов А.* «Методологический индивидуализм» и холизм в контексте плановых и рыночных методов хозяйствования // Экономист. 2015. № 12.
10. *Радыгин А., Энтов Р.* «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. № 12.
11. *Рубинштейн А.* Общественные интересы и теория публичных благ // Вопросы экономики. 2007. № 10.
12. *Рубинштейн А.Я.* Институциональная эволюция патернализма. М.: ИЭ РАН. 2015.
13. *Сен А.* Адам Смит и современность // Вопросы экономики. 2011. № 11.
14. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1993.

15. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика. 1997.
16. Современная экономическая мысль. М., 1981.
17. *Bakan Joel.* Korporacija, patološka težnja za profitom i moći. Miracul d.o.o., Zagreb, 2005.
18. *Commons Y.R.* Institutional Economics. Its Place in Political Economy. V. I. USA. 1961.
19. *Galbraith J.K.* The New Industrial State. Houghton Mifflin Company, Boston, 1967.
20. *Keyns J.M.* The General Theory of Employment, Interest and Money. Harcourt, New York, 1936.
21. The Conservative Economic World View. N.Y. 1979.
22. The Financial Crisis and the Systemic Failure of the Academic Economics // Kiel Working Paper. 2010. N 1489. На русском языке: Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики. 2010. № 6.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Князев Ю.К.

Индивидуализм и коллективизм в современной экономике

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка *Борищёва И.В.*

Подписано в печать 21.03.2019 г. Заказ № 7

Тираж 300 экз. Объем 2,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН